

***Дискурсивный анализ мини-нарративов
в контексте структурированного интервью
Discourse analysis of micro-narratives
in the context of a structured interview***

Бергельсон М. Б.

Bergelson M. B.

В статье рассматриваются мини-нарративы на русском языке, полученные в контексте структурированных интервью с учащимися грузинского происхождения, обучающимися в московской школе. Дискурсивный анализ мини-рассказов, порождение которых интервьюер пытается стимулировать, представляет собой наилучший инструмент для выявления ценностных предпочтений по использованию родного и русского языков. Рассказ «вскрывает» истинное положение дел, так как через него рассказчик выражает свое отношение к действительности, дает оценки, выражает мнения. Проведенные интервью показали, что развернутые ответы на вопрос в рамках интервью по вопросам знания/употребления родного/русского языков демонстрируют наличие трех дискурсивных разновидностей, обладающих своими вербальными характеристиками: мини-рассказ, мини-нарратив с использованием только дескриптивного типа изложения и рассуждение с использованием аргументативного типа изложения.

Ключевые слова: нарративы, дискурсивные практики, русский язык, билингвизм, школа с этнокультурным компонентом в Москве

This paper deals with the discourse analysis of micro-narratives found in structured interviews that were conducted with bilingual Russian-Georgian students of Georgian origin studying in Moscow schools. Discourse analysis provides an effective instrument to

explore value-based attitudes towards using Russian and one's native language. Stories reveal these attitudes, as the narrators express their opinions and evaluate the narrated events. The data from the interviews demonstrate the following. Detailed answers to questions dealing with the knowledge and use of the native language as opposed to Russian can be divided into three classes: stories, micro-narratives that only use descriptive narration, and persuasive discourse. Each of these classes has its own characteristic linguistic features.

Key words: narratives, discourse analysis, Russian, bilingualism, ethno-cultural schools in Moscow

0. Введение

Проект «Языки Москвы»¹, в рамках которого написана эта статья, охватывает самые разные направления исследования, и поэтому необходимо обозначить его логическую структуру и поместить данное исследование в его контекст. С одной стороны, в поле зрения нашего проекта попадает множество языков, функционирующих в мегаполисе. С другой стороны, интерес для проекта представляет русский язык, а точнее — этнолекты русского языка, используемые инофонами. Именно эта сторона проекта находит свое отражение в данной статье.

Говоря об особенностях использования русского языка инофонами, принадлежащими к разным этническим группам, мы можем рассматривать собственно лингвистические характеристики в их сравнении с нормативным русским, а можем сосредоточиться на дискурсивных практиках. Второе, на материале мини-рассказов учащихся средней школы, для которых родным языком является грузинский, и предпринято в данной статье.

¹ Работа выполнена в Институте языкознания РАН в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ №16-04-00474 «Языки Москвы» (2016–2018).

1. Что может дать анализ дискурсивных практик и почему в нашем контексте речь идет о мини-нарративах

Анализ дискурсивных практик как таковых имеет свои преимущества по сравнению с более традиционным анализом фонетических, грамматических и лексических особенностей русского языка инофонов. За словами и высказываниями, произнесенными в определенных контекстах, стоят ценности, которые не всегда удастся выявить, задавая прямые вопросы. Для нашего проекта, ключевым элементом которого является понятие «родной язык», очень важным является представление о родном языке как о ценности. В ответах на вопросы интервью часто отражается не реальность, а желаемое видение реальности. В особенности это верно, когда речь идет о ценностных сущностях. Сохранность родного языка в семье и уровень владения русским языком как раз представляют собой такие темы. И то, и другое явно оценивается положительно, хотя может вступать в противоречие друг с другом.

В контексте наших интервью с учениками средней школы № 1231 (1331)², в программе которой представлен этнолингвистический компонент, а именно — изучение грузинского языка и культуры, наилучшим инструментом для выявления ценностных предпочтений по использованию родного и русского языков может служить дискурсивный анализ мини-рассказов, порождение которых интервьюер пытается стимулировать. Рассказ «вскрывает» истинное положение дел, так как через него рассказчик выражает свое отношение к действительности, дает оценки, выражает мнения. Но кроме того *компонентный* и *оценочный* анализ рассказа позволяет выявить в том числе и уровень владения лексикой, лексической сочетаемостью, дает описания культурно-специфичных реалий. В рассказе могут проявиться и недостаточность словарного запаса,

² В течение года произошла реорганизация школы, что и привело к изменению ее номера.

и фонетические (в том числе — просодические), и грамматические ошибки. Дискурсивный анализ рассказов использует особенности языковой формы выражений и конструкций. Но при этом он может пролить свет на не собственно языковые проблемы инофонов, в том числе связанные с получением образования на неродном (русском) языке или с коммуникацией со старшими членами семьи. Однако для этого анализу должны подвергаться именно личные рассказы с содержащимися в них оценками, а не просто любые нарративы. Обозначим различия между нарративами в целом и личными рассказами, обрисовав дискурсивную схему и главные параметры, характеризующие данный жанр.

2. О нарративе как жанре

Существует два понимания термина нарратив: а) гипержанр, охватывающий многие разновидности повествовательных произведений как устного, так и письменного модусов, и б) тип дискурсивного изложения. В данной статье этот термин употребляется в первом понимании, когда речь идет о типологизации различных типов повествований, то есть о микротипологии нарративов, и во втором, если речь идет о характеристиках нарративного типа изложения и его функциях в рамках конкретного речевого произведения.

Типология нарратива в широком значении термина необычайно обширна и вовлекает в свою перспективу далеко не только лингвистику, но и теорию коммуникации, литературоведение, философию, психологию, семиотику, фольклористику и другие дисциплины. Эта мысль проводится в «Нарратологии» Дж. Принса. А «Введение в структурный анализ нарратива» Роланда Барта [Barthes 1966] прямо-таки открывается фразой о бесконечном разнообразии нарратива, связанном с поразительным множеством его жанров, которые к тому же могут существовать в самых разных формах. Известная теория Уолтера Фишера *The Narrative Paradigm* [Fisher 1995] базируется на представлениях о том, что любая

осмысленная коммуникация это форма рассказывания историй или сообщения о произошедших событиях, а люди это по своей сути рассказчики и слушатели рассказов.

Для исследований, выходящих за пределы собственно внутренней лингвистики, таких, как наш проект, очень важным является следующее положение этой парадигмы: людей лучше убеждают рассказанные истории, чем аргументы.

Многие исследователи употребляют термины *narrative* (нарратив) и *story* (рассказ, или история³) как синонимы [Chafe 1980; Polkinghorne 1995]. Однако существует и другая традиция [Polanyi 1989], поддерживаемая в данной работе, которая противопоставляет личные рассказы таким видам нарратива, как сообщения о произошедших событиях — отчеты, мифы, хроники и т. п. При этом в рассказе, в первую очередь, важна передача точки зрения рассказчика.

Рассказы в том или ином виде наполняют наш мир. Как отмечено в [Schank 1995: 29], за исключением прямых вопросов и простых ответов на них типа *В какой комнате живет Джонс? — Номер 1244* — все остальное, что произносят люди, выражая свое мнение или опыт, это рассказы того или иного вида.

Можно выделить следующие основные параметры типологизации рассказов.

- Рассказчик
- Содержание — о чем и какого типа информация
- Адресат — степень вовлеченности аудитории
- Обстоятельства рассказывания — где, когда, почему, как
- Структура нарратива и проблема связности

³ Термины «рассказ» и «история» семантически равнозначны. Их употребление в тексте данной статьи определяется узусом и стилистикой. Так вместо «рассказывания рассказов» естественнее употребить словосочетание «рассказывание историй».

2.1. Рассказчик

Рассказчик — субъект процесса рассказывания — является во многих отношениях центральной фигурой. При анализе конкретного рассказа или конкретного типа рассказов именно его цели, установки, знания во многом определяют то, что происходит. Но, в частности, именно поэтому такой параметр не очень подходит для типологизации рассказов. Рассказчики бывают разные, и каждый может быть рассказчиком. Стоит отметить, что при анализе конкретного рассказа важным является различие собственно рассказчика, повествователя внутри мира истории и главного действующего лица в мире истории. Часто они совпадают, и различие этих функций основывается на различении мира истории и мира рассказчика.

На данном этапе нашего проекта рассказчиками выступают школьники — респонденты проведенных нами интервью. В их мини-рассказах совпадают рассказчик-респондент и субъект описываемых событий.

2.2. Содержание

Параметр содержания имеет два аспекта. Внешний аспект Содержания — о чем рассказ тематически, и типологизация здесь возможна лишь в той степени, в которой нам доступно структурирование человеческого опыта. В этом отношении ситуация похожа на возможность типологизации рассказчиков. Однако, есть некоторые категории рассказов, степень «центральности» содержания которых для человеческого общества столь велика, что они легко могут быть выделены в отдельные группы, и, конечно, именно эти категории рассказов вызывают наибольший интерес исследователей. В категории личных рассказов (personal stories) это, безусловно, рассказы о ярком — например, опасном — событии. Именно эта категория рассказов получила освещение в работах Лабова и его последователей. Они представляют особый интерес и для социолингвистики, и для когнитивной психологии, поскольку

именно через особенности вербализации личностно важного и выделенного опыта психологи получают возможность анализировать особенности хранения такой информации и обращения к ней.

С помощью личных рассказов рассказчик дает информацию о себе и своих ценностях (при этом, если оценки рассказчика и слушателя совпадают, то это укрепляет межличностные отношения), развлекает, убеждает, иллюстрирует основную мысль [Norrick 2000].

К личным рассказам примыкают так называемые повседневные, или бытовые, рассказы (everyday, or conversational, stories). Они в большей степени связаны с конкретной ситуацией рассказывания и более диалогичны — отсюда английское название. Это то, что происходит повсеместно в любой хоть сколько-нибудь структурированной группе людей — обмен впечатлениями о прожитом дне за семейным ужином, о сданном экзамене на дружеской вечеринке, «ритуальные» рассказы рыбаков, ставшие не так давно популярными в России рассказы о летнем отдыхе за границей и т. п. Все они отличаются большей степенью структурирования внутренних компонентов и особыми обстоятельствами рассказывания.

В [Norrick 2000] автор подчеркивает, что рассказы позволяют пережить, переоценить и переосмыслить хранящийся в памяти опыт, а не просто сообщить о нем, перечислив или подытожив происшедшее. А в силу того, что мы рассказываем и слушаем рассказы других постоянно, хранящаяся в памяти информация о прошлом опыте подвергается соответствующим обращениям к ней многократно. Поэтому особый интерес представляет рассказывание и пересказывание одних и тех же (хотя бы на первый взгляд) историй.

Помимо множества ярких и важных событий и воспоминаний, о которых люди рассказывают в различных ситуациях, у каждого человека есть еще и так называемый рассказ о жизни (life story), своего рода внутренняя автобиография. В книге Шарлотты Линде «Life stories: the creation of

coherence» [Linde 1993] рассказы о жизни анализируются как особый жанр устного повествования. Оно рассказывается по многим поводам, в различных, иногда противоречащих друг другу вариантах с внутренней целью каждый раз ответить на вопросы типа «почему что-то произошло или получилось именно так». В рассказе о жизни человек пытается ответить на вопросы «что сделало меня тем, кто я есть», «что нужно знать обо мне, чтобы понять кто я». Конкретное наполнение рассказов о жизни, их содержательная структура в огромной степени определяются конкретной культурой. Каждая жизнь содержит те или иные вехи (выбор профессии, создание семьи, серьезные изменения мировоззрения), но и сам набор их, и их значимость суть разные в разных культурах. Рассказ о жизни обычно состоит из множества встроенных мини-рассказов. Их цель не выразить отношение рассказчика к миру (характерно для других личных рассказов), но отразить саморефлексию рассказчика.

Итак, главное с точки зрения содержания в рассказах то, что они интерпретируют действительность, а не представляют ее объективно, и то, что они сами требуют интерпретации, опирающейся на разнообразные компетенции, виды знаний, разные способы их представления в памяти. С точки зрения внешнего содержания — тематики — очевидно, что этот параметр тесно увязан с внешними обстоятельствами дискурсивного взаимодействия: о чем рассказывать в значительной степени определяется тем, где, с кем, когда и по какому поводу происходит общение.

Для нашего проекта самым важным как раз представлял параметр Содержания, в той его части, которая отражает тематику мини-рассказов и выражаемые в них ценностные характеристики. Внешние обстоятельства дискурсивного взаимодействия — интервью по вопросам владения родным и русским языками — очерчивали возможные темы, но не ограничивали их сколько-нибудь жестко.

2.3. Адресат

При рассмотрении параметра Адресата помимо проблемы интерпретации, обычной и центральной для исследования дискурсивных взаимодействий, очень важной представляется проблема вовлеченности аудитории в, на первый взгляд, монологический процесс рассказывания.

Мнимая монологичность рассказа отмечается практически всеми исследователями. Конечно, рассказ отличается от прототипического диалога, характеризующегося сменой реплик, осуществляемой по определенному плану. Поэтому исследовательские методы конверсационного анализа [Atkinson, Heritage 1984] приложимы к изучению личных рассказов в весьма ограниченном виде — в основном, для описания клишированных формул начала процесса рассказывания. В большей степени это применимо к анализу повседневных рассказов, которые в этом случае рассматриваются как своего рода одна реплика данного говорящего в условиях диалога или полилога.

Однако и в классических личных рассказах роль аудитории, роль Адресата очень велика. Коммуникативное намерение рассказчика заключается не просто в сообщении о последовательности событий (нарратив как тип изложения), но в выражении определенного мнения в связи с описанными событиями. По крайней мере, это верно для личных рассказов в рамках европоцентрической цивилизации — ср. [Nash 1994; Leitch 1986]. Соответственно, главное, что ожидается от аудитории, это подтверждение того, что рассказанные события могут быть использованы для выражения данного мнения (point). Согласие с самим мнением необязательно. Но вот реплика после окончания рассказа *ну и что?* свидетельствует о коммуникативной неудаче. Причин для такого рода неудачи может быть несколько. Во-первых, рассказанные события полностью укладываются в модель мира, имеющуюся у слушающего, ни в малой степени

не изменяя релевантные культурные модели. Во-вторых, смысл того, что хочет выразить рассказчик может, с точки зрения слушающего, не вытекать из рассказанных событий, даже если они сами по себе представляют «новизну» в указанном смысле. *Что ты хочешь этим сказать и почему это* — таковы возможные реплики слушающего. Такого рода неудачи означают значимое несовпадение культурных моделей рассказчика и аудитории; в том числе это может быть и несовпадение культурной модели коммуникативного поведения: какой тип рассказа уместен в данной коммуникативной ситуации и уместен ли вообще.

Таким образом, роль нарративных ответных стратегий определяется частными коммуникативными задачами рассказчика. В нашем случае интервьюеры выступали как максимально заинтересованные и поддерживающие адресаты в позиции активного слушания: эксплицитные сигналы обратной связи, наводящие вопросы, переспрашивание, выражение солидарной оценки. Однако и у этой стратегии есть свои недостатки. Нередки случаи, когда вопрос интервьюера, направленный на уяснение обстоятельств истории, мешает реализации конечной цели интервью. Переспрашивая, мы получаем дополнительную информацию, но вмешательство в исходный план автора может отвлечь его от выражения оценок, которые, в конечном счете, и являются целью получения в интервью именно мини-рассказов.

(1)

Д4: Э . Ну . особо такого посещения / чтобы запомнилось, такого не было в плане плохого / а то что /

И: Или хорошего!

*Д4: А то что насчёт документов это было . плохо!
Мне . неправильно сделали визу, и мне пришлось возвращаться обратно в Грузию.*

И: Неправильно сделали / какую визу?

Д4: Визу / то есть дату поставили неправильно. На два дня . позже.

И: Я не поняла, как это < ...>

Д4: То есть у меня был билет в Москву 16 сентября / а мне поставили визу 18 сентября. То есть мне пришлось обратно возвращаться . из аэропорта.

И: Визу на въезд в Россию?

Д4: Ага.

И: А зачем вам нужна виза на въезд в Россию? Вы гражданка Грузии, да?

Д4: Да.

И: А, вот как.

Д4: Да, у меня учебная виза.

И: То есть вы здесь живёте по учебной визе?

Д4: Да, но у меня сейчас делаются документы / так что / ну раньше так было, а сейчас уже подготавливаем все документы.

Интервьюер перебил респондента (*Или хорошего!*) — об этом свидетельствует интонация незавершенности в предыдущей реплике, а потом еще и задал уточняющий вопрос: *Неправильно сделали / какую визу?* и далее — *Я не поняла, как это.* Все это помешало рассказчику выразить свои эмоции в связи с проблемой виз, пересечения границы и прочими чувствительными моментами, с которыми она сталкивается как грузинка, живущая в Москве и навещающая родственников в Грузии. Дополнительное осложнение возникло в связи с вопросами о гражданстве. Респондент отвечает односложно. Ей явно неприятно, что приходится говорить о своем «не-гражданстве», необходимости жить в Москве по учебной визе. При первой же возможности она добавляет: *Да, но у меня сейчас делаются документы / так что / ну раньше так было, а сейчас уже подготавливаем все документы.* В результате исходный план ее рассказа оказался нарушен.

2.4. Причины, вызывающие рассказ

Из обстоятельств, которые характеризуют коммуникативную ситуацию рассказа, в первую очередь необходимо выделить причину. Речь идет о внешней по отношению к содержанию рассказа причине, то есть — о тех обстоятельствах, которые вызвали рассказ в рамках коммуникативного взаимодействия.

Прежде всего, рассказы делятся на спонтанные и вынужденные. Спонтанные (conversational) рассказы возникают при непосредственном (лицом к лицу) общении дискурсивных партнеров, означают динамическое развитие некоторой темы, по сути представляют собой развернутую реплику неограниченной длины. В ситуациях спонтанного рассказа смена говорящих во многом определяется разработанными в конверсационном анализе правилами. Спонтанному рассказу обычно предшествует реплика вида *да, кстати, тут я сегодня* Очень близкой к спонтанной формой повседневного рассказа, являются рассказы в неформальной обстановке, вызванные вопросом-просьбой со стороны аудитории: *так что все-таки случилось с твоей старой машиной...*

Таким образом, реплики, непосредственно предшествующие повседневному рассказу, могут быть двух видов, то есть имеют место два вида диалоговых последовательностей (adjacency pairs). В первом случае говорящий, предлагающий тему, становится рассказчиком, во втором, говорящий, задающий вопрос или выражающий эксплицитную просьбу рассказать историю, становится слушателем.

Вынужденные рассказы это результат интервьюирования в широком смысле этого слова. Именно с такими рассказами, вынужденными некоторым стандартным для множества испытуемых вопросом, обычно имеют дело исследователи, начиная еще с работы Валецкого и Лабова. В этой классической работе авторы собрали более 600 рассказов, явившихся в той или иной форме ответом на вопрос «Был ли ты когда-либо в

ситуации смертельной опасности?» [Labov, Waletzky 1967]. Разница между вынужденными и спонтанными устными рассказами может проявляться на уровне вербализации, особенно если исследователь использует видео- или аудиозапись. Это естественный экспериментальный эффект. Обычно он заметен в виде попыток более тщательной вербализации, особенно на начальных стадиях рассказа.

Существует точка зрения — см. [Wolfson 1976; Cortazzi 1993], что повседневные рассказы исполняются (performed) автором, в то время как вынужденные рассказы-интервью — это просто развернутые ответы на вопрос. Такая точка зрения является довольно спорной; в частности ее не подтверждает экспериментальный материал, которой был получен автором данной работы в различных предыдущих проектах [Bergelson 2007]. Информанты, чьи рассказы послужили материалом для выводов, в том числе и данного исследования, довольно быстро преодолевали замешательство от необходимости говорить «на пленку», хотя среди них могли быть и весьма пожилые представители традиционных культур, для которых такая деятельность вообще очень нехарактерна. Тем не менее, можно отметить особенности исполнения именно повседневных рассказов. Степень живости и яркости исполнения положительно коррелирует со степенью приемлемости и приятности темы для аудитории, наличия взаимосвязывающих отношений между участниками, большого общего фонда знаний и совместного опыта, разделяемых ценностей. Характерными чертами такого исполнения являются использование звуковых эффектов, более выраженная мимика и жестикуляция, употребление «изобразительного настоящего» (настоящее историческое), повторения, перенесение дейктических показателей в мир рассказывания (здесь и сейчас), большая степень подробности. Однако в данном исследовании сама ситуация интервью со школьником не слишком способствует живому исполнению рассказа. Скорее, это и в самом деле ответ на вопрос, причем ответ, который интервьюеру еще надо постараться развернуть в мини-рассказ.

2.5. Структура (жанровая схема) и основные признаки личного рассказа

Рассказ состоит из упорядоченных составляющих и неупорядоченных компонентов. Линейно упорядоченными (в том числе, относительно момента изложения) являются зачин, ориентация, события на основной линии повествования (развитие события, кульминация), кода. Компоненты, которые не описываются в терминах линейного следования, включают глобальную и локальную экспозиции, собственно повествование, оценку, мир истории и мир повествования.

Рассказы интерпретируют реальность, а не просто описывают ее. Они предполагают такое когнитивное представление событий, в котором имеет место связность событий и выражается отношение рассказчика к этим событиям. Интерпретация рассказа слушающим предполагает понимание связности и понимание позиции говорящего (=point).

Как показано в [Бергельсон 2007: 69–85], связность истории и понимание этой связности могут быть основаны как на общности действующих лиц и причинно-следственных отношениях, так и на культурно значимых темах, и всегда — на оценках.

3. Описание процедуры сбора информации

В 2016–2017 гг. было проведено три сессии интервьюирования школьников среднего и старшего возраста, носителей грузинского языка, учеников одной и той же школы № 1231 (1331). Помимо стандартных вопросов анкеты им задавались вопросы, которые должны были, как предполагалось, спровоцировать в качестве ответа мини-рассказы, то есть описание последовательности событий, имевших место в реальности с помощью нарративного (а не дескриптивного)

типа изложения.⁴ В русском языке нарративный тип изложения характеризуется употреблением глаголов совершенного вида в прошедшем времени.

Не все вопросы одинаково хороши для того, чтобы вызвать в качестве ответа мини-рассказ. Так, например, вопросы типа *Ты любишь бывать летом в Грузии?* или *Расскажи, как ты проводишь лето* скорее спровоцируют описательный пассаж. «Правильный» с этой точки зрения вопрос типа *А у вас какое-нибудь интересное приключение было? Что запомнилось?* могут привести к мини-нарративу, возможно, но необязательно реализующему ценностные противопоставления:

(2)

Не знаю даже. Всё запомнилось. Всё было прекрасно, хорошо провели время/ вместе собирались, вместе ехали на море.

Полученные на диктофон записи затем были затранскрибированы с использованием минимально различительной транскрипции: в русской орфографии с использованием маркеров темпа речи, смыслового акцента и пауз. Эти маркеры ставились в тех случаях, когда указанный параметр отличался от стандарта для данного говорящего. Также отмечались отдельные фонетические особенности, в том числе ошибки произнесения слов, неправильные грамматические формы — см. *провели* в (2).

Для анализа в рамках настоящего исследования выбирались не-односложные ответы, включающие в себя более одного высказывания (предложения). К ним применялись критерии, по которым рассказ может быть противопоставлен

⁴ Ср. определение нарратива у Уильяма Лабова: «... method of recapitulating past experience by matching a verbal sequence of clauses to the sequence of events which (it is inferred) actually occurred» (Labov 1972: 359–360).

описанию, отчету, а также — аргументативному дискурсу, характеризующемуся персуазивным типом изложения.

4. Полученные результаты

Нам удалось получить мини-рассказы, но их количество не слишком велико. Для 14 участников трех сессий, занявших в общей сложности около 6 часов, мы получили менее 10 мини-рассказов, которые бы удовлетворяли требованиям наличия нарративного типа изложения и оценок.

Пример мини-рассказа:

(3)

И: Угу-угу, понятно, хорошо. А-а.. Такой вопрос у меня, следующий. Э-э.. Вам всем снятся сны. На каком языке вам снятся сны? Как вы, замечали такое? Можете рассказать мне сон?

.....

М1: Мне.. Ну один раз такой случай был.. Две недели тому назад.. Ну я алтарник там, служу, и-и очень устал /

И: В храме, да?

М1: Да-да-да. Очень-очень устал . {нрзб} снился алтарь . и я маме говорю {нрзб}: «Дай полотенце для батюшки. Батюшка хочет полотенце, дай». И, ну.. Чаще всего на грузинском. Всегда на грузинском.

И: На грузинском, да? Потому что служба на грузинском, да?

М1: Да, да.

Чаще не-односложный ответ на вопрос представляет собой мини-нарратив типа отчета, например, кулинарные рецепты.

Пример мини-нарратива, не являющегося рассказом:

(4)

И: Расскажи, как она готовится.

Д2: Она готовится пока у . манка .. манка добавляется вот .. у грузинов как это называется, я не знаю . пишено кукурузное? И ее ставят . разбавляют водой . там есть чёрные точки такие. Пока это надо очень долго очищать водой. Очень долго. Чтобы она вот .. ушла. Чтобы хоми само не было там с точечками. Потом ее ставишь на газ, пока она густой не становится. Добавляешь манку / и ещё тут какую-то мама в России тут добавляет. Бабушка только манку добавляет. И ждёшь пока она загустёт .. ну как сказать?

И: Загустеет.

Д2: Загустеет! И потом уже накладываешь. Там она ещё что-то добавляет.

Кроме того в интервью встречаются развернутые ответы на вопрос, с ярко выраженной аргументацией своей позиции и использующие явные признаки персуазивного типа изложения. Вопрос звучал: «*Хотели бы Вы вернуться в Грузию?*», но ответ звучал как рассуждение на тему, где лучше жить. В примере (5) маркеры персуазивного типа изложения выделены полужирным шрифтом. К ним относятся причинно-следственные связки (*потому что, тем более, поэтому*), дискурсивные маркеры прямой апелляции к адресату (*ну смотрите, просто*). Оценка в виде наречий со значением интенсивности (*очень*) также выделена полужирным шрифтом.

(5)

*Д9: Я бы . <кашель> даже не зн~ / ну нет\ . я бы хотела быть здесь \ но \ ..я **очень** скучаю . я **очень часто** скучаю по Грузии*

потому что . ээ . у нас есть все как бы . **просто**
нету этого развития

ну смотрите . у нас. есть горы . у нас есть
море ..

у нас .. не знаю . у нас такая красивая страна

ну . **ну просто** здесь возможностей больше чем
там

и поэтому наверно= ..

и тем более я привыкла . я здесь всю жизнь живу .
я здесь родилась

просто Грузия . она роднее чем .. Россия

И: угу

Д9: но жить здесь

тем более я очень сильно люблю эту страну..
несмотря на все

И: Россию?

Д9: да Россию

В целом развернутые ответы на вопрос в рамках интервью по вопросам знания/употребления родного/русского языков демонстрируют наличие трех дискурсивных разновидностей, обладающих своими вербальными характеристиками: мини-рассказ, мини-нарратив с использованием только дескриптивного типа изложения и рассуждение с использованием аргументативного типа изложения.

5. Обсуждение

Для того чтобы в ситуации интервьюирования получить у респондента хороший рассказ, необходимы его высокий уровень владения языком и высокая степень доверия между участниками. В любом другом случае образцы получаемого таким образом дискурса демонстрируют либо типичные ошибки употребления — см. (8), либо — в ситуации обсуждения ценностно значимых

вопросов — аргументативный дискурс, демонстрирующий, что вопрос попал в болевую точку, см. (5), (6). При этом налицо противоречие между имеющимися у респондента ценностями, см. примеры (6), (7).

(6)

*Д2: Ну в России **живётся хорошо, потому что** каждый день .. ну спасает эта школа, по-моему, меня э-э . каждый день прихожу сюда, тут .. с родными людьми встречаюсь, там и .. и каждый весь день с утра до вечера мы находимся вместе все. **Живётся хорошо** в России. В Москве именно. В других городах я не была.. Была, но я там не жила, и в Москве мне **живётся хорошо**.*

(С одной стороны живет хорошо, но с другой — спасает школа).

(7). Пример конфликтующих ценностей.

И: <..> Что для вас грузинский язык? <..> Хотели бы вы знать его лучше?

М3: Нет, нет, меня удовлетворяет мой уровень грузинского.

И: <..> Когда вы представляете, вот, я буду взрослым, у меня будет своя семья...

М3: Нет, я не собираюсь в Грузию переезжать /я хочу/

И: Нет, я имею в виду другое. У вас будет своя семья, свои дети... Вы захотите, чтобы они знали грузинский язык?

М3: Да, я думаю, что мы в семье даже будем на грузинском общаться больше ...

В предыдущих ответах респондент М3 утверждал, что практически всюду, кроме церкви, использует русский язык; он говорит в семье по-русски, думает по-русски, видит сны на русском языке и т. д. Он отвергает возможность жить

в Грузии, однако считает, что в своей семье он будет больше говорить по-грузински.

Именно в мини-рассказах, а не в кратких ответах на вопрос чаще проявляются ошибки употребления, связанные с интерференцией родного языка см. [Мазурова 2017]. Так, в примере (7) глагол *поехали* устойчиво употребляется в значении «пошли», есть и другие — фонетические и лексико-грамматические ошибки — см. подчеркнутые фрагменты в (8), (9).

(8)

Д4: Ну мы пошли в лес и заблудились. Не знали, где надо идти. Потом . ну .. как-нибудь . поехали домой. Но как — не знаю! {смех}

И: А где лес этот был, в какой местности? Где?

Д4: А в Грузии, там .. очень . маленький лес . небольшой / ну . мы хотели эти .. э-э . м-м . дзеты {цветы} Там очень красивые цветы, ну мы хотели . ну погуляли / ну мы заблудились, не знали, где надо идти .. потом поехали к ц = как не знаю {смех}

И: Вы поняли, что заблудились, испугались?

Д4: Очен!

И: Девчонки плакали?

Д4: Да!

И: А кто потом сказал «Надо сюда идти»?

Д4: Ну одна девочка сказала, что надо . в ту сторону надо идти и поехали.

И: Долго вы ходили по этому лесу?

Д4: Не . ну . один . половина часа.

И: То есть родители не испугались?

Д4: Они знали {смех}

(Видимо, имеется в виду ‘не знали’, второй раз в интервью предшествующее местоимение заменяет частицу *не*).

С помощью вопросов о каком-либо страшном происшествии можно дополнительно получить информацию об

употреблении родного языка в эмоционально окрашенных ситуациях — см. примеры в (9) и (10).

(9)

*И: Расскажите, как вы были в ситуации опасности.
<...>*

МЗ: Наверно, мне было лет 6–7.. поэтому . я не слушался маму, побежал на дорогу . там . машины . езжали . поэтому меня чуть ли не столкнули

И: Чуть ли не столкнули / что мама / что дальше было?

МЗ: Ну . мама начала кричать на меня, но / по-грузински . да

(10)

ДЗ: Нет, ну когда я была маленькая /я просто застряла в лифте. У меня клаустрофобия, из-за этого началась паника и . психика немного пострадала и-и /я, конечно, звала на грузинском . потому что . не знаю даже почему, не знаю. Не знаю, не скажу.

В примере (10) эмоциональная нагруженность ситуации подчеркивается яркой оценочностью, выраженной в отказе от рационального осмысления (*не знаю даже почему, не знаю. Не знаю, не скажу*). Это характерная стратегия рассказывания истории о «страшном событии».

6. Направления дальнейших исследований

В дальнейшем в рамках этого направления исследований необходимо обратить внимание на следующие проблемы:

- Использование разных видов развернутых ответов для оценки степени владения русским и родным языком.
- Степень владения родным языком трудно оценить объективно, в особенности если знание родного языка

представляет собой ценность. Интерес представляет косвенный способ оценки. Он состоит в том, что содержательная бедность рассказов о личном опыте, который должен был протекать в контексте родного языка, может свидетельствовать о «вербальной неусвоенности» этого опыта из-за недостаточного репертуара средств вербализации на родном языке.

- Дискурсивный анализ рассказов как метод исследования следует распространить на такой вид рассказов, как рассказы о жизни, используя в качестве респондентов инофонов, использующих русский язык.
- Помимо интервьюирования и записи устных рассказов следует прибегнуть к получению письменных рассказов (сочинений, эссе) из личного опыта на заданные, эмоционально нагруженные темы.

Сокращения и условные обозначения при примерах

И — интервьюер, М — респондент, Д — респондентка.

Паузы разной длины: «.», «..», «...»

Восходящая интонация: /

Обрыв слова: =

Фонетическая транскрипция [...]

Литература

Atkinson J. M., Heritage J. (eds.) Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis, Cambridge, 1984.

Barthes R. Introduction to the structural analysis of the narrative. Birmingham, 1966.

Chafe W. L. The Pear stories : cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, N.J., 1980.

Cortazzi M. Narrative analysis. London–Washington, D.C., 1993.

Fisher W. R. Narration, Knowledge, and the Possibility of Wisdom // *Rethinking Knowledge: Reflections Across the Disciplines*. SUNY Series in the Philosophy of the Social Sciences. New York, 1995.

Gordon C. Analysis of Narrative in Interaction // *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0025. Blackwell, 2013.

Labov W. Language in the inner city: studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis // *J. Helm* (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle, 1967. P. 12–44.

Leitch T. M. What stories are : narrative theory and interpretation. University Park, PA, 1986.

Linde C. Life stories: the creation of coherence. New York, 1993.

Nash C. Narrative in culture: the uses of storytelling in the sciences, philosophy, and literature. London–New York, 1994.

Norrick N. R. Conversational narrative : storytelling in everyday talk. Amsterdam–Philadelphia, 2000.

Polanyi L. Telling the American story: a structural and cultural analysis of conversational storytelling. Cambridge, MA, 1989.

Prince G. Narratology. The Form and Functioning of Narrative. Berlin, 1982.

Polkinghorne D. E. Narrative configuration in qualitative analysis // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 8. Issue 1, 1995. P. 23–45.

Schank R .C. Tell me a Story: Narrative and Intelligence. Evanston, IL, 1995.

Wolfson N. Speech events and natural speech: Some implications for sociolinguistic methodology // *Language in Society*. Vol. 5, 1976. P. 189–209.

Бергельсон М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы. Москва, 2007.

Мазурова Ю. В. Лингвистические аспекты усвоения русского языка детьми-билингвами (на материале устных интервью

учеников московской школы с грузинским этнокомпонентом) // Родной язык. 2017, № 2(7). С. 121–141.

Турушева Ю. Б. Нарратив как метод исследования процесса социализации // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. С. 2. [<http://psystudy.ru>]

References

Atkinson J. M., Heritage J. (eds.) Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis, Cambridge, 1984.

Barthes R. Introduction to the structural analysis of the narrative. Birmingham, 1966.

Bergel'son M. B. Pragmaticheskaya i sotsiokul'turnaya motivirovannost' yazykovoï formy. Moskva, 2007. (In Russ.)

Chafe W. L. The Pear stories : cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, N.J., 1980.

Cortazzi M. Narrative analysis. London–Washington, D.C., 1993.

Fisher W. R. Narration, Knowledge, and the Possibility of Wisdom // Rethinking Knowledge: Reflections Across the Disciplines. SUNY Series in the Philosophy of the Social Sciences. New York, 1995.

Gordon C. Analysis of Narrative in Interaction // The Encyclopedia of Applied Linguistics. DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0025. Blackwell, 2013.

Labov W. Language in the inner city: studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis // *J. Helm* (ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts.. Seattle, 1967. P. 12–44.

Leitch T. M. What stories are : narrative theory and interpretation. University Park, PA, 1986.

Linde C. Life stories: the creation of coherence. New York, 1993.

Mazurova Yu. V. Lingvisticheskie aspekty usvoeniya russkogo yazyka det'mi-bilingvami (na materiale ustnykh interv'y uchenikov moskovskoy shkoly s gruzinskim etnokomponentom) // Rodnoy yazyk. 2017, № 2(7). P. 121–141. (In Russ.)

Nash C. Narrative in culture: the uses of storytelling in the sciences, philosophy, and literature. London–New York, 1994.

Norricks N. R. Conversational narrative : storytelling in everyday talk. Amsterdam–Philadelphia, 2000.

Polanyi L. Telling the American story: a structural and cultural analysis of conversational storytelling. Cambridge, MA, 1989.

Polkinghorne D. E. Narrative configuration in qualitative analysis // International Journal of Qualitative Studies in Education. Vol. 8. Issue 1, 1995. P. 23–45.

Prince G. Narratology. The Form and Functioning of Narrative. Berlin, 1982.

Schank R. C. Tell me a Story: Narrative and Intelligence. Evanston, IL, 1995.

Turusheva Yu. B. Narrativ kak metod issledovaniya protsessy sotsializatsii // Psikhologicheskie issledovaniya. 2015. V. 8, № 39. P. 2. [<http://psystudy.ru>] (In Russ.)

Wolfson N. Speech events and natural speech: Some implications for sociolinguistic methodology // Language in Society. Vol. 5, 1976. P. 189–209.

Бергельсон Мира Борисовна

Научно-исследовательский университет Высшая школа
экономики

Москва, Россия

Bergelson Mira Borisovna

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russia

mirabergelson@gmail.com